

УДК 8.80.82-131.2

**СКАЗИТЕЛЬСКОЕ ИСКУССТВО И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ:
ОТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ**

ЖУСУПОВ Берик Мырзалиевич

кандидат филологических наук

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева

г. Бишкек, Кыргызская Республика

ORCID 0009-0000-9283-1773

В статье рассматривается эволюция научного подхода к исследованию эпического сказительства — от преимущественно текстологического анализа к внимательному изучению личности сказителя, его исполнительской манеры, импровизации и школ сказительства. Анализируются ключевые идеи и подходы Б.Н. Путилова, М. Пэрри и А.Б. Лорда, чьи работы стали поворотным этапом в развитии эпосоведения. Особое внимание уделено типологии вариативности, интерпретации эпических текстов и преемственности традиций. Делается вывод о необходимости синтеза филологического и антропологического подходов в изучении устной традиции.

Ключевые слова: фольклорное творчество, эпическая поэзия, эпическое сказительство, личность сказителя.

Цель исследования: показать значимость комплексного изучения сказителя как исполнителя и хранителя эпической традиции, а также выявить методологические основания анализа его творчества, предложенные в трудах Б.Н. Путилова, М. Пэрри и А.Б. Лорда.

Объект исследования: эпическое сказительство как феномен устной народной традиции.

Предмет исследования: исполнительская индивидуальность сказителя, механизмы варьирования эпических текстов, традиции и школы сказительства, а также методы их изучения в советской, российской и зарубежной фольклористике.

Были использованы **следующие методы:** теоретический (анализ научно-методической литературы по изучаемой проблеме, анализ содержания современной литературы).

Высказывание известного фольклориста Б.Н. Путилова о том, что «по сути каждый записанный текст того или иного произведения имеет свое право на самостоятельное существование» [8, с. 192], позволяет задуматься о следующем: если признать, что каждый человек обладает уникальным мышлением и индивидуальным восприятием мира, то логично будет считать, что и каждое произведение, исполненное мастером своего дела, представляет собой неповторимое явление, заслуживающее самостоятельного рассмотрения. Индивидуальность исполнителя накладывает отпечаток на текст, формируя тем самым его исключительность, и именно это должно учитываться при анализе эпического материала.

На протяжении длительного времени в советском, российском и зарубежном эпосоведении вопросы, связанные с личностью сказителя и особенностями сказительского исполнения, отступали на второй план, уступая место проблемам происхождения эпоса, его исторического развития, содержательной структуры и художественных особенностей. В редких случаях при фиксации эпических текстов внимание исследователей обращалось на такие важные аспекты, как личные характеристики певца (Путилов Б.Н., 1966; 1994) [8; 9]; (Чичеров В.И., 1946; 1948) [14; 15], его отношение к собственному репертуару (Толстой И.И., 1958; Черняева Н.Г. 1976) [12; 13], степень овладения эпической традицией (Гильфердинг А.Ф., 2005; Радлов В.В., 1885; Васильев В.Н., 1908; Владимирцов Б.Я., 1923; Богатырев П.Г., Якобсон Р. О., 1971) [7; 11; 5; 6; 3], индиви-

дуальная манера исполнения, специфика импровизации и степень вариативности (Путилов Б.Н. 1976; Lord A.V. Homer, Parry, and Huxo, 1960) [10; 17; 16].

Как правило, значительная занятость фольклористов во время экспедиций и необходимость оперативной записи новых песен не оставляли возможности для продолжительного общения с исполнителями, что исключало возможность глубокого погружения в процесс их творчества и затрудняло формирование целостного представления о природе сказительского искусства. В результате такого подхода исследование сказителей как самостоятельного объекта, с присущими им формами творческого самовыражения, долгое время не получало должного развития и опиралось преимущественно на анализ зафиксированных текстов, оторванных от живой исполнительской ситуации.

Только с появлением трудов М. Пэрри [9] и А.Б. Лорда [17] ситуация начала меняться: исследовательский фокус сместился в сторону изучения самого сказителя, условий его функционирования, механизмов порождения текста и творческих трансформаций, происходящих в рамках живой устной традиции.

Результаты исследования

На наш взгляд, как в теоретическом, так и в прикладном аспекте значительный интерес представляет труд Б.Н. Путилова «Эпическое сказительство» [10]. Особенно ценной для исследования является вторая часть книги, посвященная сказителям и эпическому тексту, а также третья, в которой автор анализирует мастерство сказителей и особенности былинных текстов.

Во второй части Б.Н. Путилов, наряду с другими аспектами, выделяет две важные тематические линии: изучение живых традиций и исследование сказительских школ. В первой из них он подробно останавливается на вопросах классификации сказителей в зависимости от их отношения к тексту, степени вариативности исполнения и способности к импровизации. В подразделе, где речь идет о школах сказительства, автор констатирует, что в современной науке зафиксированы факты существования локальных и групповых общностей в рам-

ках эпической традиции. Эти общности различаются по ряду параметров — содержанию, стилистике и манере исполнения. Однако, по мнению исследователя, в научном сообществе по-прежнему отсутствует единая точка зрения по данному вопросу, что делает его актуальным для дальнейшего изучения. Б.Н. Путилов подчеркивает, что исследователь должен подходить к анализу подобных явлений, исходя из темы своего научного труда и с обязательным учетом этнокультурных особенностей конкретной традиции сказительства.

Третья часть книги, за исключением вводной главы, включает три ключевые темы: интерпретацию былинных текстов, изучение вариативности эпических произведений, то есть типологию изменения текстов, а также проблему преемственности между сказителями — учителями и учениками. В рамках первой темы автор рассматривает, как осуществляется варьирование внутри строк, фразеологических оборотов и смысловых структур, или так называемых «эпических формул» по Пэрри и Лорду. Кроме того, он анализирует методологию воспроизведения былинных текстов — будь то прозаическое изложение, свободный стих, ритмическая проза, строфическая организация текста, повторение начальных или заключительных формул, либо перенос устойчивых формул в новые стилистические контексты.

Далее внимание сосредотачивается на таких элементах, как «общие места» и «переходные места» внутри устойчивого текста: исследуются их особенности, различия, а также механизмы возникновения и исчезновения этих компонентов. Подчеркивается, что появление новых формульных выражений или, наоборот, утрата старых может быть связано с нарушением формульной структуры текста — например, при внедрении в поэтический строй элементов, не укладывающихся в традиционные рамки [8].

Рассматривая типологию вариативности песенных произведений, Б.Н. Путилов подвергает критике распространенную точку зрения, согласно которой певец якобы лишь повторяет выученные песни с минимальными изменениями, не являясь при этом подлинным импровизатором. Он утверждает, что исполни-

тель в эпической традиции выступает либо как индивидуальный творец, либо как выразитель коллективного опыта. В то же время он подчеркивает, что сказитель, даже строго придерживающийся канонов традиции и не стремящийся к радикальному переосмыслению или обновлению эпоса, обеспечивает его жизнеспособность и динамичное существование. Именно благодаря его мастерству эпическое произведение может варьироваться, оставаясь в пределах нормы [8].

Таким образом, сказитель предстает как особый тип исполнителя, в сознании которого не происходит разделения между содержанием и формой: оба эти компонента существуют в непрерывном диалектическом взаимодействии.

В третьем разделе, посвященном взаимоотношениям между сказителем-наставником и сказителем-учеником, затрагиваются ключевые аспекты преемственности в эпической традиции. В центре внимания находятся: процесс передачи сказительского искусства от отца к сыну, то есть сохранение семейной традиции, а также те трансформации, которые происходят с эпической песней в этом процессе; региональные особенности сказительства и их влияние на структуру и содержание эпического текста; различия и схожести в исполнении одного и того же произведения несколькими сказителями, получившими его от одного и того же учителя; а также вопросы художественной и содержательной преемственности внутри сказительских школ и линий передачи [8].

Исходя из изложенного, можно выделить основные проблемные направления, актуальные для нашего исследования: интерпретация и специфика эпических текстов; особенности вариативности в сказительской традиции; существование и развитие сказительских школ; а также взаимоотношения между мастерами-сказителями и их учениками.

Американские исследователи [17; 16] впервые в мировой науке об эпическом сказительстве выработали новую теоретическую модель, в которой кабинетное изучение классических текстов гармонично сочеталось с экспериментальной полевой работой фольклористов. Такой подход оказался неожиданным для традиционной филологии. В отличие от прежних задач, их экспедиции,

проходившие в 1930–1950-х годах, были направлены не просто на сбор «лучших» образцов юнацких песен для издания, но и на комплексное изучение условий исполнения, личностей сказителей, их художественных навыков и среды функционирования эпоса. В основу методики Милмана Пэрри легла идея широкомасштабного эксперимента, в рамках которого фиксировались не только сами тексты, но и сведения о контексте исполнения, особенностях передачи и варьирования, степени овладения сказительским мастерством.

В своей работе А.Б. Лорд [9] упоминает, что в начале 1930-х гг. его наставник М. Пэрри, занимая должность ассистента кафедры классической филологии в Гарвардском университете, обрел известность благодаря глубокому анализу формульных эпитетов в гомеровских поэмах — «Илиаде» и «Одиссее». Его интуитивное ощущение того, что эти тексты представляют собой образцы устного эпоса, породило стремление к поиску живой традиции, способной подтвердить гипотезу о народном происхождении гомеровских произведений. В результате М. Пэрри обратил внимание на эпическое наследие народов Югославии.

Изначально задача исследования не заключалась в том, чтобы выяснить степень изменения одного и того же текста при его исполнении разными сказителями. Однако, как позже сам М. Пэрри отмечал, чтобы доказать устную природу гомеровских эпосов, было необходимо как можно точнее зафиксировать особенности устной поэтической формы и ее принципиальные отличия от письменной. Он писал: «Метод исследования заключается в том, чтобы, наблюдая певца, творящего в рамках живой традиции бесписьменной песни, понять, насколько форма песен определяется необходимостью учиться сказительскому искусству и заниматься им без помощи чтения и письма».

Таким образом, исследователь стремился установить жизненный образ того или иного народа способствует формированию уникальной и высокоорганизованной формы устной поэзии, позволяющей предположить аналогичный путь становления и великих литературных памятников. М. Пэрри пришел к выводу, что в контексте классической филологии того времени произведения устного

эпоса представляют собой совокупность формул — устойчивых речевых конструкций, которые, несмотря на свою кажущуюся статичность, подвергаются постоянным трансформациям, рождая новые формы и выражения [9]. Следующим этапом стало изучение того, как эти формулы объединяются в темы, а из тем формируется целостное эпическое произведение. Именно с этой целью Милман Пэрри отправился в Югославию.

Во время своей первой исследовательской поездки в 1933 году М. Пэрри убедился, что в югославских землях эпическая традиция находится на этапе активного функционирования. Выбор исследовательской территории пал на Боснию и Герцеговину, а также на прилегающие районы Черногории и Южной Сербии, где устная традиция сохранялась в своей чистой форме и практически не подвергалась влиянию письменной культуры. Особый интерес для ученого представляло сербское мусульманское сказительство, отличающееся богатством репертуара и строгой устной передачей.

Во время экспедиции было проведено множество интервью с гусярами, собраны ценные наблюдения и записи. Полученные сведения стали основой для уникального эксперимента: если исполнитель называл сказителя, у которого он заимствовал песню, М. Пэрри стремился разыскать этого предшественника и записать его исполнение. При наличии других носителей той же песни — каждому из них также предлагали исполнить ее, что позволяло исследователям выявить типовую структуру и собрать варианты для сопоставления. Заявления сказителей о точном воспроизведении текста впоследствии проверялись сравнением с ранее сделанными записями.

Кроме того, сказителям предлагали послушать незнакомое произведение, после чего определяли, сколько времени требуется для его усвоения и повторного исполнения. Эти эксперименты позволили зафиксировать различия между исходным вариантом и заново выученным текстом, дав богатый материал для анализа процессов запоминания, интерпретации и трансформации.

Следовательно, объект исследования у М. Пэрри постепенно сместился с самого текста на творческую личность сказителя и процесс его становления как носителя традиции [9].

После скоропостижной смерти Милмана Пэрри в декабре 1935 года начатую им работу продолжил его ученик, исследователь Гарвардского университета А. Б. Лорд [16]. Он участвовал в экспедициях 1934 и 1937 годов, а также самостоятельно организовал новые поездки в 1950 и 1951 годах, сосредоточив внимание на регионах с активной эпической традицией. Им был собран дополнительный материал, осуществлена расшифровка записей предыдущих экспедиций и проведена работа по раскрытию их научного содержания. В послевоенные годы А.Б. Лорд осуществил повторные записи песен знакомых сказителей и их учеников. Результатом стала уникальная коллекция, включающая более 13 тысяч строк эпических текстов и свыше 3 500 фонографических записей.

Таким образом, исследователь стремится выяснить, как образ жизни того или иного народа способствует созданию устной поэзии в ее уникальной, совершенной форме и тем самым помогает увидеть возможный процесс создания великих произведений. М. Пэрри пришел к выводу, что в понятии классической филологии того времени произведения устного народного творчества различных народов представляют собой сочетание клише, которые называются формулами; исследователь, изучая природу этих формул, прежде всего убеждается, что они вовсе не являются застывшими, неизменными клише, а напротив, постоянно претерпевают изменения, порождая другие подходы и даже новые формулы. Следующая цель заключалась в том, чтобы убедиться, как формулы, объединяясь, создают темы, а также как из сочетания этих тем формируется конечный продукт — эпическое сказание. М. Пэрри изначально отправился в Югославию именно с этой целью [9, с. 13–15].

Во время ознакомительной поездки в 1933 году ученый убедился, что эпическая традиция на территории Югославии находится на пике своего развития. Он понял, что при тщательном и продуманном исследовании гусяров можно

наблюдать и изучать устный эпос в условиях его реального функционирования. В качестве объектов исследования были выбраны регионы Боснии и Герцеговины, а также прилегающие районы Черногории и Южной Сербии. В этих областях на тот момент сохранялась естественная среда, способствующая поддержанию и защите живой традиции эпического сказительства, свободной от влияния письменных источников и книг. Особое внимание М. Пэрри привлекло сербское мусульманское эпическое сказительство, которое отличалось чистотой устной традиции и богатым репертуаром.

В ходе экспедиции исследователи провели многочисленные беседы и интервью с гусярами, собрав большой массив материалов. Информация, полученная из диалогов и интервью, впоследствии послужила основой для проведения особого экспериментального исследования. Когда певец называл человека, у которого он заимствовал текст песни, М. Пэрри отправлялся на встречу с этим сказителем, просил его исполнить произведение и затем сравнивал обе версии. Если в том же поселении были и другие исполнители, знавшие данную песню, экспедиция давала им возможность исполнить ее, после чего на основе собранных записей формировалась общая модель и готовился материал для анализа различий между вариантами. Если же певец утверждал, что исполняет песню без изменений, спустя время проверялась идентичность текста через сопоставление с имеющимися записями.

Гусярам также предлагали прослушать незнакомую песню, чтобы определить, сколько времени потребуется, чтобы выучить ее сразу или через некоторое время и затем воспроизвести заново. Это служило надежной основой для анализа различий между первоначальным вариантом и вновь выученным текстом. Таким образом, в ходе исследования изначальная цель была пересмотрена, и акцент был сделан на изучении личности творческого сказителя.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что эпическое сказительство представляет собой не только хранилище текстов и сюжетов, но и живую традицию, в которой ключевую роль играет личность сказителя. Современ-

ное эпосоведение, благодаря трудам Б.Н. Путилова, М. Пэрри и А.Б. Лорда, расширило рамки анализа от фиксации текстов к пониманию процессов их создания, варьирования и интерпретации в реальном исполнении. Эти ученые убедительно показали, что сказитель – это не просто передатчик традиции, но ее активный интерпретатор, носитель индивидуального стиля, ученик и учитель в непрерывной цепи преемственности.

Значение их работ заключается в переосмыслении самого подхода к эпическим произведениям: они не должны рассматриваться как статичные формы, а как подвижные, живые структуры, рождающиеся в момент исполнения. Именно наблюдение за творческой лабораторией сказителя позволило исследователям сделать вывод о том, что устная поэзия — это сложная система, обладающая внутренней логикой, собственной формульной организацией и механизмами адаптации к новым условиям.

Возвращаясь к мысли Б.Н. Путилова, можно утверждать, что каждое исполнение эпического текста – уникально, как и его сказитель. И именно признание этой уникальности, переход от изучения текста к изучению творца, открыло новые горизонты в понимании природы эпоса и перспективы для дальнейших фольклорно-филологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. – Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Фин. ССР, 1948. – 396 с.
2. Ауэзов М.О. Мысли разных лет: исследования, статьи на каз. и рус. яз. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. – 554 с.
3. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. – М. : Искусство, 1971. – 544 с.
4. Былины Севера: в 2 т. Т. I: Мезень и Печора. / Записи, вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. – М.; Л. : Изд. АН СССР, 1938. – 654 с.

5. Васильев В.Н. Образцы тунгусской народной литературы / Записки Императорского Русского географического общества (по отделению этнографии). Т. XXXIV. – Санкт-Петербург: типография В. Ф. Киришбаума (отделение), 1908. – 40 с.
6. Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. – Петроград; М.: Всемирная литература, 1923. – 254 с.
7. Гильфердинг А.Ф. Оленецкая губерния и ее народные рапсоды // Язык фольклора: хрестоматия. / сост. А.Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 224 с.
8. Путилов Б.Н. Искусство былинного певца: из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. – М.; Л.: Наука, 1966. – 303 с.
9. Путилов Б.Н. Послесловие // А.Б. Лорд. Сказитель. / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левитона. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 368 с.
10. Путилов Б.Н. Эпическое сказительство: типология и этническая спецификация. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 294 с.
11. Радлов В.В. Предисловие // Образцы народной литературы северных тюркских племен: сб. Ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 599 с.
12. Толстой И.И. Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 63 с.
13. Черняева Н.Г. К исследованию типологии искусства былинного сказителя // Советская этнография. – 1976. – № 5. – С. 26-35.
14. Чичеров В.И. Сказители Онего-Каргопольщины и их былины // Онежские былины / Подбор былин и научн. ред. текстов Ю. М. Соколова; подготовка текстов к печати, примеч. и словарь В.И. Чичерова. – М.: Гос. лит. музей, 1948. – 938 с.

15. Чичеров В.И. Эпическая традиция Кенозера и школа Сивцева-Поромского // Краткие сообщения: сборник / Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – 1946. – Вып. 1. – 130 с.

16. Lord A.B. Homer and Huso. III: Enjambement in Greek and South Slavik Heroic Song. – Transactions and Proceedings of the American Philological Association. – 1948. – vol. 79; Lord A. B. The Singer of Tales. – Harvard University Press, Cambridge (Mass.), 1960. – 309 p.

17. Lord A.B. Homer, Parry, and Huso // American Journal of Archaeology. – 1948. – vol. 52. —№ 1; Lord A B. The Singer of Tales. – Harvard University Press, Cambridge (Mass.), 1960. – 309 p.

STORYTELLING ART AND ITS RESEARCH: FROM TEXTUAL ANALYSIS TO THE STUDY OF PERSONALITY

ZHUSSUPOV Berik Myrzaliyevich

Candidate of Philological Sciences

Kyrgyz State University named after I. Arabaev

Bishkek, Kyrgyz Republic

The article explores the evolution of scholarly approaches to the study of epic storytelling – from primarily textological analysis to a close examination of the storyteller's personality, performance style, improvisation, and schools of epic tradition. It analyzes key ideas and approaches of B. N. Putilov, M. Parry, and A. B. Lord, whose works marked a turning point in the development of epic studies. Special attention is given to the typology of variation, the interpretation of epic texts, and the continuity of traditions. The article concludes that a synthesis of philological and anthropological approaches is essential for the study of oral tradition.

Keywords: folk creativity, epic poetry, epic storytelling, personality of the storyteller.

